Письмо XIX

Читтенден. Ноябрь.

С самого первого дня как я присутствовал на «темном» сеансе Горацио Эдди, я почувствовал в себе необъяснимую нежность к дитяте-призраку, к маленькому Майскому Цветку. Ее игра на инструментах была так мелодична, так полна выражения и небесной прелести, ее поэтические попытки показывали столько нежной любви к красотам природы, разговоры ее казались столь полными невинной ребяческой наивности, а сама она выражала столь сильные чувства милосердия, любви и готовности служить всякому, что я не мог не полюбить[1] горячо и искренне этого милого ребенка, по крайней мере, *идеал*[2] ребенка, представлявшегося моему внутреннему зрению в непроницаемом мраке этой темной залы.

Мне кажется, что любовь к детям составляет одну из главных черт моего характера, и весьма может быть, что в этом вопросе о тождестве маленького духа Майского Цветка я дозволил себе предаться самообольстительному созданию моего собственного воображения. Быть может, что в действительности и не существует даже такого духа и что ее речи, и импровизации, и музыка, и пение, и всё остальное составляют только часть ловко приготовленной программы плута. Я никогда не видал ее *земными глазами* и чувствовал, и осязал[3] одну лишь маленькую руку ее, и я не могу представить иного доказательства о ее росте и индивидуальном существовании, кроме свидетельства двух таких же девочек, которые мерялись с ней спинами. Я не имею права требовать от ученых экспериментаторов, чтобы они приняли за решительное доказательство о тождестве слов ее и разговоров, слышанных мною, как и тысячами других свидетелей; и если бы еще было возможно мне[4] после всего виденного и слышанного мною лично пойти против свидетельства собственных[5] пяти чувств своих и разума, то, пожалуй, и я бы готов был согласиться вместе с скептиками, что всякое отдельно взятое явление на этих «темных» сеансах есть само по себе ловко подготовленный фокус.

Но прежде чем решиться на это, я должен буду требовать, чтобы мне доказали, как возможно одному человеку, даже развязанному и который свободен ходить по комнате, играть в одно и то же время оркестрованную пиэсу, например, на скрипке, гитаре, концертине, гармонике, триангле и флейте; звонить на нескольких колокольчиках; петь, свистать и разговаривать двумя голосами – всё это, заметьте, вместе, если только общество, состоящее из 20 или 30 человек, может признавать свидетельство собственного своего слуха? Как он может подражать свисту ветра, прибою волн, шуму помпы и другим звукам, играя одновременно на всех вышеупомянутых инструментах? Как он может видеть в темноте каждый малейший предмет, лежащий на полу, целовать указанную особу в указанное на лице место, как в щеку, в лоб и т.д., мгновенно исполняя ее желание[6] среди густейшего мрака, и это каждый вечер, не сговариваясь, неожиданно и ни разу не задевая чьего-нибудь соседа за нос, как и ни разу не ошибаясь? Как он может угадывать о вещах, лежащих в глубине вашего кармана, и читать самые сокровенные ваши мысли, – потому что всё это происходит на сеансах Горацио.

Скептики защищают свои аргументы тем, что все медиумы мошенничают и что самого Горацио один раз когда-то поймали на этих штуках. Но если бы даже его поймали и сто раз, то всё же это не доказало[7], как и не объяснило бы, как возможно одному человеку исполнить то, на что потребовалось бы *даже при дневном свете,* по крайней мере, шесть человек соучастников; также мало объяснило бы нам совершенное медиумом мошенничество и то, каким образом раздирающее

---

[1] Далее зачеркнуто: ее.

[2] Далее зачеркнуто: этого.

[3] Я несколько раз брала маленького духа в темноте к себе на колени, она целовала меня и, подарив ей кольцо, я сама старалась удержать его на ее крошечной ручке, которую много *ощупывала*, как и всё ее тело. Е.Блаватская. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

[4] Далее зачеркнуто: лично.

[5] Далее зачеркнуто: чувст.

[6] Далее зачеркнуто: в.

[7] Далее зачеркнуто: бы.

уши пиление его на скрипке и противнейшее пение *в нос* обоих медиумов могут превращаться в превосходное исполнение и артистическую, в высшей степени выразительную игру невидимых скрипачей, флейтистов, гитаристов и т.д. и в звучные, обработанные голоса контральто и сопрано, так часто раздающиеся в «кабинете».

Поэтому, доколе не явятся желаемые мною объяснения, я предоставляю Горацио расхаживать «разутому в темноте» и фокусничать сколько ему угодно[8], и буду продолжать считать моего прелестного маленького призрака Майского Цветка за идеал того, чем я желаю воображать себе моих собственных отлетевших ангелов и детей других особ в том лучшем, божественно-светлом мире, в который они перенесены ледяной рукою смерти.

И так, в первый «темный» сеанс она сказала мне, что если я достану ей несколько разноцветных ленточек, то она сплетет мне красивый из них венок, такой, какой она сплела для одной леди и который мне очень понравился. По дороге из Нью-Йорка я купил ленты трех цветов и послал их на сохранение к некоему приятелю Эдди, мр'у Гёнту[9]. Когда я вернулся, он был уже в Читтендене и привез мои ленты, которые и показал мне, добавляя, что в этот вечер я должен попросить девочку сдержать свое слово.

Но через несколько времени Уиллиам, который постоянно находится под влиянием какого-нибудь духа, обращаясь к мр'у Гёнту, сказал: «Если вы пойдете наверх, мр Гёнт, да посмотрите в карман вашего сюртука, то, быть может, найдете там кое-что». Мр Гёнт побежал и нашел мои ленты, сплетенные в венок.

На другой вечер все приготовились к «темному» сеансу, и когда потушили свечу, то Майский Цветок сказала мр'у Гёнту, что он взял венок, а записку, написанную ею мне при венке, он и забыл. Тогда этот джентльмен стал шарить по своим карманам и действительно нашел в одном из них каракули девочки, которая уверяла меня в записке, что я ее дорогой друг, что она любит меня и просит сохранить венок, сплетенный ею на память. Поэтому считаю долгом представить перед публикой образчик венков, какие плетут на том свете духи в настоящем[10] 1874 г. по Р.Х.

Мне пришло в голову, что так как Майский Цветок находилась в столь любезном расположении духа, то, быть может, она согласится дать мне случай получить от нее другой образчик ее искусства в соединении с небольшим экспериментом; поэтому, спрятав венок в карман, я не сказал никому ни слова о моем желании. Когда потушили свечу и в комнате воцарился такой мрак, что невозможно было видеть свою собственную руку, поднесенную к глазам, я тихонько положил венок на колени сидящей возле меня дамы. Тотчас же послышался голосок девочки-призрака, который и воскликнул: «О! Мрс ***, что это у вас лежит на коленях? Ведь это мой венок… Мр Олкотт, вы хотите, чтобы я сплела его иначе, не правда ли?» Я отвечал ей, что она угадала мое желание и что я просил бы[11] переплести его морскими раковинами, как

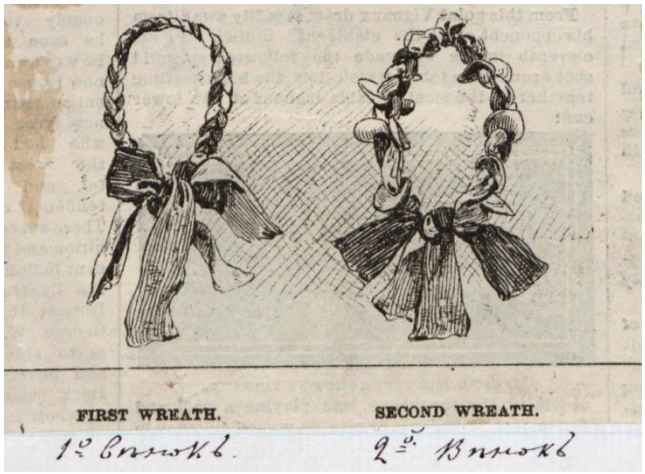
[8] Дж. Бирдом так описывает «фокусничество» Горацио Эдди: «Шаль перед "кабинетом" теперь была откинута в сторону, и там появилось... Что? Проворная, гибкая и живая индейская девушка, великолепно одетая, как полковник Олькотт описал в своих письмах? Нет! Крепкий, сутулый фермер размером, фигурой и ростом с мистера Эдди, слегка сутулясь, в чулках или тапочках. На нем, казалось, была индейская шапочка, которую я видел в "кабинете". Он снял пиджак и сапоги, закатал штаны, обернул вокруг себя одно или два грязных одеяния коричневато-желтого цвета и вышел, сгорбившись немного больше обычного. Его одежду невозможно было рассмотреть с какой-либо отчетливостью. Я не был уверен, были ли на нем шали или какая-то более тонкая одежда. Его лицо вообще нельзя было различить, за исключением очень неопределенных очертаний. Я тщательно изучил высоту дверцы "кабинета" днем и обнаружил, что мне было легко выйти из него, не сутулясь. Я на дюйм или около того выше мистера Эдди. Была ли на его лице маска или нет, я не мог сказать, хотя я очень старался это выяснить. Я думаю, что ее не было. Это, безусловно, была ненужная предосторожность. Лицо мистера Эдди темное и коричневое, и в этой темноте оно вполне подходило бы для любого индейского персонажа. Теперь я знаю, почему индейские духи были их любимцами. Я не мог сказать, носил ли он ожерелье, но что-то очень похожее на косу свисало с его шеи. И это была Хонто, материализованный дух индейской девушки, чья слава теперь наполняет мир».

[9] Hunt.

[10] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 декабря) (см. рис. 1) с подписью Е.П.Блаватской «1^{й} венок. 2^{й} венок»; подпись внизу рисунка: «First wreath. Second wreath» («Первый венок. Второй венок»).

[11] Далее зачеркнуто: сплести.

она делала для других.[12] Он отвечала, что у нее не было теперь раковин под рукой, но что она возьмет венок с собою и когда переделает его, то принесет мне его обратно. Хотя никто и не подозревал моего намерения и маленький призрак увидал венок мой на коленях у соседки даже в такой темноте, но я захотел убедиться вдвойне, и потому, взяв венок, я тихонько подбросил его под свой стул направо от себя, где *никто* не чувствовал[13] и не мог видеть его, кто не обладал сверхъестественным зрением. Но когда засветили свечу, *венок пропал*, исчезнув самым таинственным образом. Я получил его обратно при очень замечательных обстоятельствах.

1

Во время «темного» сеанса в вечер 26 сентября манифестации явились с необычайной им силой. Пляска индейцев сопровождалась такими криками и неистовыми рёвами, что многим боязливым зрителям пришлось дрожать и от сверхъестественного страха, и от более земной боязни, что пол должен будет провалиться под этим ураганом пляшущих мертвецов и мы все очутимся к концу сеанса в нижней столовой. Затем Джордж Дикс свистал,[14] сыграл превосходное соло на флейте и угостил нас при помощи своего невидимого оркестра «Бурей на море», а Майский Цветок возбудила неудержимый восторг своим артистическим исполнением романсов на аккордеоне, играя под аккомпанемент всех колокольчиков; да, поверьте мне, что стоило послушать ее игру в благоговейном молчании. Я читал лишь один раз в жизни моей описание[15] музыки, исполняемой духами, которое может дать вам некоторое понятие о красоте ее. Этим описанием мы обязаны покойному Роберту Бэллу[16], другу писателя Тэккерея[17]; оно было напечатано в «Cornhill Magazine» за август 1860 [года]. Тут дело идет о медиуме Д.Д.Юме (D.D.Home), на «темном» сеансе которого играл аккордеон.

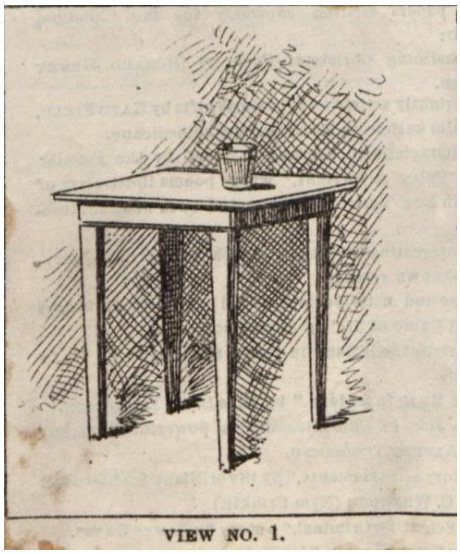
«…Мы слушали, удерживая дыхание. То была дикая, полная неожиданных, странных переходов мелодия; словно тихая, патетической нежности жалоба звучала в каждой ноте ее. Исполнение ее было столько же замечательно по своей силе, как и по выразительности. Когда гармония раздавалась *crescendo*, гремя и усиливаясь в смелых пассажах, тогда звуки как бы переливались по комнате с изумительным резонансом и затем, постепенно утихая, замирали со вздохом божественной нежности…»[18]

Игра Майского Цветка не всегда одинакова и бывает иногда далеко не выразительна, но чаще всего я слыхал ее в таких случаях, когда вышеприведенное описание дает[19] лишь слабое понятие об эффекте, произведенном на слушателей ее очаровательной игрой.

---

[12] Далее зачеркнуто: Хотя.
[13] Далее зачеркнуто: его.
[14] Далее зачеркнуто: и.
[15] Далее зачеркнуто: подобной.
[16] Роберт Белл (1800–1867) – ирландский писатель
[17] Уильям Теккерей (1811–1863) – английский писатель-сатирик.
[18] См.: Stranger than Fiction // The Cornhill Magazine, Vol. II, August 1860. P. 221 (Страннее вымысла // The Cornhill Magazine, 1860, т. II, август. С. 221).
[19] Далее зачеркнуто: слабо ок.

После концерта дух Джорджа Дикса приказал Джо Рёггсу[20], верному слуге-спиритуалисту, зажечь свечу, принести стакан полный воды и маленький стол. Когда приказание было исполнено и стакан поставлен на столик, свечу опять потушили[21] и затем немедля по приказанию Джорджа опять зажгли; к нашему общему удивлению мы увидали стакан полный воды *перевернутый вверх дном на столике, так что вода касалась*[22] *прямо дерева*, служащего ей временным дном, но ни одной капли не пролилось мимо (смотри №2).[23]

2

3

Снова потушили свечу и снова мы оставались на полминуты в совершенном мраке. Затем опять приказание духа и заскрипела спичка о тяжелый сапог Джо и опять загорелся огарок, и мы увидали столик, опрокинутый в свою очередь вверх ногами, а на одной из ножек стакан, на этот раз в своем нормальном положении, но также полный воды, как и прежде[24] (смот[ри] №3), грациозно балансирующийся на дрожащей ножке.

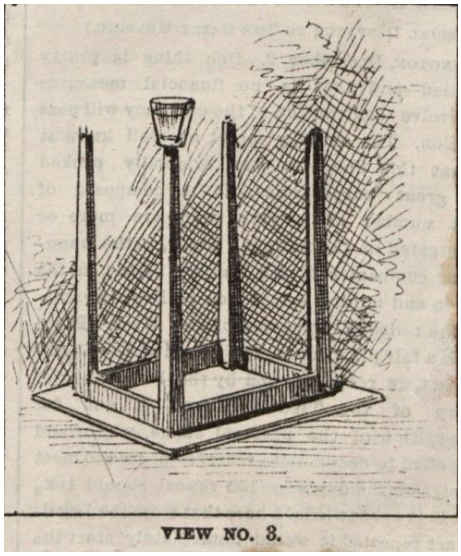
[20] Rugg.

[21] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 декабря) (см. рис. 2); подпись внизу рисунка: «View №1» («Изображение №1»).

[22] Далее зачеркнуто: конечно.

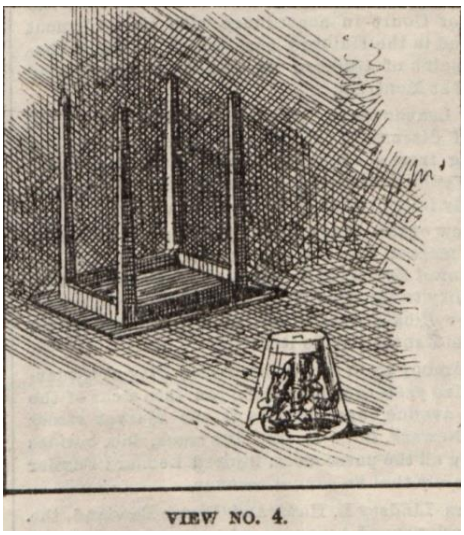
[23] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 декабря) (см. рис. 3); подпись внизу рисунка: «View №2» («Изображение №2»).

[24] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 декабря) (см. рис. 4); подпись внизу рисунка: «View №3» («Изображение №3»).

4

В четвертый раз задули огарок и в четвертый раз зажгли его, и я увидал на этот раз стакан, спокойно стоящий на полу у моих ног, но совершенно пустой и столь же сухой, как бы в нем никогда[25] не было и капли жидкости, а внутри стакана мой венок из лент, совершенно иначе сплетенный, украшенный раковинами[26] и совершенно сухой, как и сам стакан (см[отри] №4). С характеризующей меня непочтительностью я было подумал про себя, что, верно, вода исчезла в горле у медиума, но Джордж Дикс выбранил меня за эту невысказанную мысль и объявил, что вода испарилась в легкий туман и странствует в настоящую минуту в атмосфере залы сеансов.

5

Я сильно желал бы, чтобы некоторые из тех умников, которые объясняют появление детей на сеансах материализаций у Эдди гипотезами о «подушках» и «тряпках», взяли бы на себя труд взглянуть на этих детей собственными глазами, прежде чем выказывать столь горестное невежество. Еще сильнее первого желал бы я, чтобы мой остроумный сотоварищ по клубу «Лотос», Роберт Б.Рузевельт[27], приехал бы в Читтенден, прежде чем написать следующие опрометчивые, компрометирующие его слова в статье «Дэ[й]ли Графика» против спиритуалистических феноменов, в которой он говорит в отношении Уиллиама Эдди и его детей-

[25] Далее зачеркнуто: и.

[26] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 декабря) (см. рис. 5); подпись внизу рисунка: «View №4» («Изображение №4»).

[27] Роберт Барнхилл Рузвельт (Roosevelt, 1829–1906) – американский политик и писатель, дядя президента США Теодора Рузвельта.

призраков, что «никто, конечно, не позволит себе смеяться при виде любящей вдовы, жаждущей найти в фантастической фигуре, наряженной в полутемной комнате каким-нибудь плутом-медиумом, возлюбленные черты усопшего супруга или над отчаянным усилием безутешной матери узнать в *разрисованных коленях* шарлатана в той же темноте розовые щечки отлетевшего навеки от нее дитяти-ангела. Мы не может смеяться, конечно, над подобными проявлениями супружеской и материнской любви, но мы обязаны презирать и доносить на мошенников, которые спекулируют, играя и насмехаясь над самыми благородными чувствами человеческой природы»[28].

Разрисованные колени, вона! Уиллиама Эдди разрисованные колени! Да разве колени человека могут отделяться от туловища его и лепетать «мама» да «папа» и «я очень, очень счастлив» и посылать нам поцелуи и кивать головками? Будь они разрисованы хоть самим президентом гусино-желто-грязными красками и обрамленные вдобавок небесно-голубым пурпуром? Да разве человек в пять пудов[29] веса да почти трехаршинного роста[30] может переодеться в молодую стройную девушку с голыми, белыми как снег[31] плечами и руками, тоненькую и гибкую, да ходить взад и вперед по платформе, нянча и лаская свои собственные колени как годовалого ребенка, да заставить эти же колени всовывать себе поддельный палец в воображаемый ротик, обвивая фальшивой ручонкой шею туловища этих коленей?

Ведь мы не так давно еще проглотили уже дозу от одного псеводоинвестигатора[32] в его пошлейшем объяснении феномена, которого он даже не успел и видеть, основанного на теории, которая не годилась бы даже для того малого, что он действительно видел в продолжение одного часа жизни своей. Так избавим же себя от повторения. Если некоторые особы, достигшие до высокого общественного положения в политическом ли, литературном либо в каком другом отношении, когда их спрашивают, что они думают о материализациях духов, не знают, что отвечать, то почему бы им не сознаться честно и откровенно, что так как они ровно ничего не видали еще, то поэтому и не могут высказывать своего мнения о том, чего не знают, вместо того чтобы давать право *тем, которые видели* и понимают, в чем дело, насколько оно пока доступно человечеству, смеяться над их невежеством?

Потому только, что кто-нибудь видал на своем веку, как вертятся столы, да слыхал[33] стучание духов, да поймал какого-нибудь медиума, хоть бы даже одного из Эдди, в мошенничестве, в то время как, быть может,[34] атмосферические условия либо капризы самих духов не допускали действительных, настоящих манифестаций, – из этого еще не следует, чтобы он имел право бросаться сломя голову во все бездонные пропасти предположений и бессмысленных гипотез, рискуя сам запятнать свою репутацию беспристрастного, справедливого свидетеля. Пятьдесят или хоть пятьдесят тысяч даже плутней и фокусов со стороны медиумов не могут поколебать одного доказанного, настоящего феномена.

Если бы хоть один из моих уважаемых друзей-скептиков находился бы в Читтендене в вечер 21 октября, то он увидал бы следующее: в полусумерках большой залы он увидал бы фигуру молодой женщины, стоящей на платформе с ребенком на руках. Он увидал бы далее, как эта одетая в белое платье женщина подошла к перилам и, остановясь перед одной молодой леди, смотрела на нее с тихой улыбкой, ласково гладя дитя по его белокурой головке. Он услыхал бы, как этот ребенок возился[35] на руках у призрака и вертел головой, махая ручонками, как это делают и живые, смертные дети. Он увидал бы такую живую, реальную группу, что у него мигом бы разлетелись в прах все его предвзятые понятия о разрисованных коленях, и он сидел бы, как и мы, очарованный и неподвижный, едва имея силу думать и удивляться, задавая себе лишь машинально вопрос, откуда могла явиться эта таинственная фигура с ребенком и долго ли еще она простоит?

---

[28] Spiritualistic Investigations / Mr. Roosevelt's Investigations // The Daily Graphic, November 28, 1874 (Спиритуалистические исследования / Исследования мистера Рузвельта // The Daily Graphic, 1874, 28 ноября.

[29] 82 кг.

Пуд – единица измерения массы, равная 16,4 кг.

[30] 2,1 м.

[31] Далее зачеркнуто: ш.

[32] Дж. Бирд.

[33] Далее зачеркнуто: столо.

[34] Далее зачеркнуто: у.

[35] Далее зачеркнуто: у.

И затем, когда вглядевшись в призрака, молодая леди узнала в нем усопшую сестру свою, которая принесла к ней умершее дитя ее, он услыхал бы такой стон, вырвавшийся из груди этой матери, такой вопль радости и вместе с тем моления, прося позволить ей подойти поцеловать сестру и ребенка, которого она так недавно сама уложила в гроб, думая, что расстается с ним навеки, что глаза моего скептического друга наверно наполнились бы слезами человеческой симпатии при виде такой трогательной сцены. Да, он увидал бы, как наклонилась женщина-призрак, как, поцеловав сама ребенка в доказательство матери, что он в хороших, любящих руках, она протянула его к ней и как последняя смеялась, и плакала, и рыдала от избытка и горя, и счастья! Праведное небо! Да разве есть возможность человеку, который не сделался еще бесчувственным зверем, увидать подобную сцену – весьма не редкую у братьев Эдди – и не возрадоваться вместе с этой матерью, что она снова нашла хотя бы на одну короткую минуту своего возлюбленного ребенка и не погоревать с нею, когда в следующий момент оба призрака исчезли из глаз ее, чтобы снова вернуться[36] в таинственный мир безмолвных теней, который лежит пограничной страной между нами и вечностью?

Если мои трехмесячные наблюдения четтенденских манифестаций принесут какую-либо пользу, то это только потому, что возможность подобных им феноменов была доказана еще до меня мр'ом Круксом под самыми строгими научными экспериментами. В то время как результаты его исследований не подкрепляют моих, так как оба происходили при совершенно разных обстоятельствах, и что в вопросе подлинности и доказанных фактов я, конечно, не имею права сравнивать точность моих наблюдений с его экспериментами, но всё-таки мои показания подтверждают его открытия, потому что, насколько мне возможно довериться очевидному свидетельству чувств моих, я видал, по всему вероятию, около четырехсот различных призраков в материализованных формах, подобных его Кэти Кинг, в солидности тел, физических движениях, в манере их появления и исчезновения, разговорах и умственных способностях. Если бы я только успел добиться, как мр Крукс, чтобы Хонто согласилась хоть один раз подвергнуться испытаниям, которые были допущены духом Кэти, то медиумы Эдди могли бы тогда поспорить с мисс Флоренс Кук.

Хотя я вполне уверен и готов присягнуть, что Уиллиам не мог бы мошенничать, хоть бы и захотел, но моя уверенность и мое собственное убеждение всё-таки не построены, как его, на гранитной скале математических доводов. В моем случае уверенность лишь чувство, но не аксиома. Несмотря на всё, я не вполне уверен, что имею право винить братьев за их поведение со мною. Я не должен судить о них с той арбитражной точки зрения, которую я мог бы применить в своем случае.

Ставлю себя на место семейства Эдди и вижу ясно, что если бы вдруг ни с того ни с сего явился ко мне незнакомый человек, привычки которого, идеи и положение были бы в совершенном контрасте с моими собственными, и что непрошенный, как и нежданный, он стал бы вроде сыщика или часового следить за мною неусыпно, подмечать малейшее движение, наблюдать за поступками и вглядываться в самую душу мою днем, как ночью, в продолжение многих недель, то я, конечно, не раз почувствовал бы непреодолимое желание выбросить его за окошко, если бы он сам не нашел дороги в дверь. Эдди не могут считаться публичными медиумами; они никого не просят приезжать и денег за сеансы не берут; поэтому[37] на их месте я бы непременно так и поступил, то есть в случае, если бы я чувствовал себя совершенно невинным, так как[38] не думаю, чтобы предлог, что всё это совершилось для блага человечества и в интересе науки, был бы достаточен, чтобы заставить меня переварить[39] мысль, что я обязан подвергаться всем этим неприятностям, пока я не докажу положительно, что я *не* лгун и *не* плут. Но даже и в таком случае, если бы я к настоящей, неотъемлемой во мне силе медиумства прибавлял бы изредка при удобном случае и личную помощь хитрости и маленьких фокусов, когда феномены оказывались бы почему-нибудь неудовлетворительными, то и тогда, если бы незваный инвестигатор настаивал докапываться до корня всего виденного им для вящего открытия законов

[36] Далее зачеркнуто: тот.
[37] Далее зачеркнуто: я.
[38] Далее зачеркнуто: пр.
[39] Далее зачеркнуто: ту.

и условий, о которых[40] я ничего не знаю, да и мало забочусь, то я всё-таки попросил бы его очень скоро убираться и не надоедать мне и окружающим меня духам своими вопросами и экспериментами, в то время как я только старался производить некоторые физические феномены для личного утешения и душевного успокоения большей части посещающих меня искренних спиритуалистов.

[40] Далее зачеркнуто: он.